

Диалог социальной философии с логикой науки У. Хьюэлл

Л.А. Маркова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-12-26-43

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В философии XXI в. осуществляется поворот мышления в сторону его ориентации в первую очередь на человека как автора мысли, а не на природу, существующую независимо от нас и от процессов получения научного знания. Различие этих двух типов мышления (классического и неклассического) можно отчетливо увидеть в контексте противостояния философии У. Хьюэлл и принципиально иного характера научного исследования после научной революции начала прошлого века. В философии мышления XXI в. человек – существо социальное, на этом базируется социальная философия (социальная эпистемология). На законах мышления, а не законах природы основывается создаваемый нами окружающий нас искусственный мир. При этом обнаруживается, что проблемы, изучаемые как основные в обоих типах мышления, во многом совпадают. Например, неожиданная интерпретация основного вопроса философии: граница между вещью и мыслью становится малозаметной. Двумя этими разными путями можно прийти к одному и тому же результату. У. Хьюэлл отыскивает общие для группы вещей черты. В социальной философии нас интересует, чем эти вещи отличаются друг от друга. Ни одна идеализация никогда не соответствует действительности полностью, всегда что-то в ней не учитывается. Мыслитель выбирает из реального мира определенные черты, строит на их основе систему мысли, которая объясняет все, но каждая система делает это по-своему. На примере диалога философии Хьюэлл и социальной философии наших дней в статье предпринята попытка показать разные способы формирования идеализаций действительности.

Ключевые слова: мысль, вещь, человек биологический, человек социальный, ощущение, посредник, история, основание, индукция, дедукция, катастрофа, эволюция.

Маркова Людмила Артемьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

Цитирование: Маркова Л.А. (2018) Социальная философия в диалоге с логикой науки У. Хьюэлл // Философские науки. 2018. № 12. С. 26–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-12-26-43

A Dialogue of Social Philosophy with W. Whewell's Logic of Science

L.A. Markova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-12-26-43

Original Research Paper

Summary

In the 21st century, there is a turn of thinking toward its reorientation first of all to the human as an author of thought and not to the nature, existing independently of us and of the process of scientific knowledge obtaining. It is possible to see the difference of these two types of thinking (classical and non-classical) in the context of dialogue between W. Whewell's philosophy and the scientific investigations after the scientific revolution in the beginning of the 20th century. In the philosophy of 21st century, man is a social being and this is the basis of social philosophy (social epistemology). The artificial world around us is created by a human, it has its foundation in the laws of thinking but not the laws of nature. The foundations of both systems are quite different. In what way can we achieve mutual understanding between them? From both sides some aspects can be put forward, for instance, the concept of a mediator (carrier) of a thought. This concept is studied actively by W. Whewell and by philosophers of our time, and this leads in both cases to some unexpected interpretation of the basic question of philosophy: the border between thing and thought is becoming less noticeable. We can come to the same result, going by different ways. Whewell finds common qualities for some group of things. Social philosophers are interested in what makes things different. Not one of these idealizations corresponds completely to the reality. Always something is not taken into consideration. A thinker chooses out of real world some of its characteristics that become a basis of a thought system, which explains everything but in its own way. The paper demonstrates the way of possible creation of a new type of thinking.

Keywords: thought, thing, biological human being, social human being, sensation, mediator, history, foundation, induction, deduction, catastrophe, evolution.

Lyudmila Markova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Social Epistemology Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

Citation: Markova L.A. (2018) A Dialogue of Social Philosophy with W. Whewell's Logic of Science. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 12, pp. 26–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-12-26-43

Введение

При изучении любого текста (любого события) из прошлого мы остаемся представителями своего времени, как бы мы ни стремились к объективности полученного нами результата. К объективности в ее классическом понимании: представить событие таким, каким оно было *на самом деле*, независимо от нашего вмешательства в его существование разного рода исследовательскими средствами. Такой подход, безусловно, возможен и при изучении философских текстов, ниже мы предпримем попытку показать это на примере философии У. Хьюэлла (1794–1866). Однако при всем желании избежать присутствия автора статьи об этом философе в интерпретации его книги наверняка не удастся, и это естественно. Классическое мышление, базирующееся на научном мышлении Нового времени, в качестве своего идеала выдвигает именно получение *объективного* и, соответственно, *истинного* знания. Едва ли кто-то может сказать, что классическое европейское мышление в лице и своей науки, и своей философии не послужило идеальным основанием для создания общественного устройства, мощного и по своему производству, и по своей культуре. Место, весьма значительное, которое занимал в этом мире Хьюэлл, показано в статье И.Т. Касавина [Касавин 2017].

Между тем никак нельзя утверждать, что соответствующий идеал был полностью воплощен в жизнь. Даже воспроизводимость эксперимента, которую можно считать главным способом обоснования истинности научного знания, в любом случае можно подвергнуть сомнению. Именно этим обстоятельством воспользовались социологи науки в середине прошлого века в своей суровой критике классического естествознания. Они придавали решающее значение тому бесспорному факту, что каждый эксперимент совершается в уникальных условиях (расстановка мебели в комнате, цвет стен, настроение экспериментатора, присутствие посторонних в помещении и пр.). Эти условия невозможно повторить, но в то же время, если не все, то некоторые из них могут

повлиять на исход эксперимента, и результат будет отличаться от предыдущего. Воспроизводимость становится невозможной.

Однако все эти различия не принимаются во внимание. И действительно, в классической науке их не только можно, но и следует игнорировать. Контекст проведения эксперимента изучается только для того, чтобы знать, что же не имеет значения при проведении научного исследования, что надо отбросить [Markova 2017].

Но это не значит, что в неклассической науке контекст формируется из всего разнообразия исходных условий работы ученого, хотя в контекст включаются и элементы науки, и элементы, не имеющие к науке никакого отношения. Тем не менее без серьезного анализа понятия «контекст» невозможно уловить суть современного философского мышления, и мы постараемся выявить у Хьюэлла такие стороны его рассуждений, которые помогут нам точнее сформулировать нашу собственную позицию.

Антитеза мысль – вещь

Свои основные идеи о философии науки У. Хьюэлл высказывает в труде «Философия индуктивных наук, основанная на их истории» [Whewell 1840]. Именно на этот труд мы и будем опираться.

Хьюэлл (как и многие другие философы) рассматривает восприятие человеком внешнего мира посредством ощущений, которые мы получаем через органы чувств, как необходимый элемент нашего мышления. Чтобы лучше понять, что же представляет собой знание, получаемое человеком, Хьюэлл считает необходимым обратиться к оппозиции мысли и вещи. Эта оппозиция практически никем не отрицается, пишет Хьюэлл, но он хочет сделать ее, с одной стороны, более сильной, а с другой – показать, что различие не такое уж четкое и однозначное, каким его обычно представляют, что отчетливой линии, разделяющей мысль и вещь, нет. Они разделены, но не могут существовать друг без друга. Противостояние мысли и вещи – вот та антитеза, о которой говорит Хьюэлл. Он пишет: «Оппозиция знакомая и ясная. Наши мысли суть нечто, что принадлежит нам самим; нечто, что находится внутри нас; мысли – это итог *нашего* мышления, деятельности *нашего* мозга. Вещи – наоборот. Они суть нечто, отличное от нас и независимое от нас; нечто, что существует без нас; они *есть*; мы видим их, трогаем их, и таким образом узнаем,

что они существуют; но мы не делаем их, когда смотрим на них, или трогаем их; мы пассивны, а вещи воздействуют на наши органы чувств» [Whewell 1840, 17]. Идея о сближении мысли и вещи существует и в философии наших дней, хотя и в другом контексте. В конце статьи об этом будет немного сказано.

Хьюэлл признает наличие метафизических элементов в научном мышлении, причем очень важных, по его мнению, для философского понимания особенностей исследовательской деятельности. Чтобы обосновать эту свою мысль, Хьюэлл рассматривает в истории естественных наук споры между авторами крупных научных открытий, споры, которые можно назвать метафизическими, если, оговаривается Хьюэлл, вообще можно что-либо так называть. И все же он признает, что эти дискуссии составляют важную часть любого крупного научного достижения. Так или иначе, в предисловии ко второму изданию «Философии индуктивных наук» [Whewell 1840] он пишет, что роль метафизики им усилена, и он очень надеется, что «любой, прочитавший книгу, не сможет не увидеть в прогрессе науки наряду с физическим элементом также и метафизический: как идеи, так и факты» [Whewell 1840, X]. Короче, читатель не сможет не убедиться, что *фундаментальная антитеза мысли – вещи* представлена здесь максимально обстоятельно и убедительно. Метафизический элемент, его присутствие в полученном научном результате, позволяет говорить о необходимой истинности этого результата, выраженного в предложении. «Необходимые истины – это такие истины, из которых мы не только узнаём, что выражающие их предложения мало того, что *являются* истинными, но что они *должны* быть истинными» [Whewell 1840, 55]. Или еще – уточняющее определение: «Любое доказательство, полученное в геометрии или в любой другой науке демонстративного типа, может быть сведено к серии процессов, в каждом из которых мы переходим к более узким и более специальным утверждениям, которые в нем содержались. И этот процесс выведения истин простой комбинацией общих принципов, применяемый в особых гипотетических случаях, называется *дедукцией* в противоположность *индукции*, где... новый общий принцип вводится на каждом шаге» [Whewell 1840, 69].

Посредник (medium)

Одной из главных проблем (а может быть и главной), которую Хьюэлл рассматривает в своей книге «Философия индуктивных

наук», является изучение механизма воздействия ощущений на мозг, производящий мысль. Главное отличие позиции Хьюэлла по этому вопросу от основного тренда в развитии философии XX и начала XXI вв. в том, что он опирается исключительно на естественные науки, хотя и допускает, с некоторыми оговорками, применение полученных им выводов к гуманитарному знанию. Соответственно социальный аспект в формировании сознания и мышления человека не фигурирует в основном направлении его анализа. Разумеется, пишет Хьюэлл, существуют механические, биологические средства доставки в мозг получаемых впечатлений. Пользуясь современной терминологией, их можно назвать *носителями* получаемых восприятий, которые делают доступным их осмысление. Наряду с ними в «обработке» поступающих ощущений, утверждает Хьюэлл, большую роль играют *идеи*, которые, в отличие от ощущений, человек не получает из опыта, во всяком случае напрямую. Хьюэлл пишет, что «бывают предложения, которые известны как необходимо истинные, но это знание не получено, и не может быть получено, простым наблюдением актуальных фактов» [Whewell 1840, 74].

Понятие посредника между человеком и источником ощущений занимает важное место в философии Хьюэлла и продолжает представлять интерес для читателя его книги в XXI в. По мнению Хьюэлла, посредник необходим для восприятия таких вторичных качеств, как звук, свет, тепло. Вторичных в том смысле, что они возникают в голове человека, но непонятно, как они туда попали из мира вещей. Посредник как носитель получаемых ощущений, так же, как и способ, каким он действует, – всегда разный, но всегда одинаково нужен, когда ученый теоретизирует.

Рассматривая, например, различные способы изучения распространения звука в разных средах философами и учеными от древности и до своего времени, Хьюэлл приходит к выводу: «... медиум, передавая вторичные качества, действует посредством своих первичных качеств, таких как твердость (bulk), форма, движение и других механических свойств своих частей. Это – аксиома, принадлежащая Идее Посредника (медиума)» [Whewell 1840, 313]. Благодаря этой аксиоме становится наглядным то обстоятельство, что движение воздуха, когда он тем или иным способом потревожен, должно быть таким, каким оно предполагается нашими акустическими рассуждениями. И это потому, что подвижность частей воздуха, вызванная его расширением и

сжатием, порождает, в силу необходимости подчиняться законам механики, именно такое движение, которое мы предполагали. Таким образом, заключает свое рассуждение Хьюэлл, теория звука как впечатление, переданное по воздуху, создается на базе принципов, очевидных и общих.

Хьюэлл достаточно подробно пишет об особенностях теоретических представлений ученых о природе звука, света, тепла. Для нас, однако, наиболее важной стороной рассуждений Хьюэлла является его мнение о роли посредника в восприятии человеком вторичных качеств. Посредник располагается Хьюэллом между предметом и воспринимающим его человеком. В Новое время доминировали, пишет Хьюэлл, «две гипотезы о природе носителя света. Одна представляла свет как материю, испускаемую светящимся предметом. Другая – как волны, пробегающие по воде. Эти две гипотезы сосуществовали на протяжении всего прошлого столетия, причем ни одна из них не добивалась сколько-нибудь значительного преимущества, хотя большая часть математиков, последователей Ньютона, предпочитала эмиссионную теорию» [Whewell 1840, 316]. В более близкое Хьюэллу время распространение света стало пониматься как корпускулярно-волновое.

Ощущения и идеи

Хьюэлл полагает, что для понимания того, как формируются ощущения, необходимо объяснить их связь с идеями. Недостаточно выяснить путь их передачи носителем от предмета в голову человека. Надо еще понять, как у человека создается мысленный образ воспринимаемого предмета. Для этого Хьюэлл обращается к теме фундаментальной антитезы, о содержании которой в его интерпретации уже упоминалось выше.

Соотношение идеи и ощущения Хьюэлл рассматривает как присутствующее в факте и теории. Он пишет, что «в теории идеи рассматриваются как отличные от фактов. В фактах, хотя идеи и могут быть в них включены, они, в нашем понимании, не отделены от ощущений. В факт идеи... включены вместе с ощущениями настолько основательно, что мы не видим *их*, мы смотрим *сквозь них*» [Whewell 1840, 40]. Человек как бы интерпретирует явления, на которые смотрит. «Так, когда мы видим движение иголки к магниту, мы утверждаем, что магнит воздействует на иголку силой притяжения. Но это только интерпретативным актом нашего ума приписываем мы это движение притяжению» [Whewell

1840, 41]. Хьюэлл видит различие между фактом и теорией (между действительностью и мыслью) в том, что «мы рассматриваем теорию как сознательный, а факт как бессознательный вывод о представленных нашим органам чувств явлениях» [Whewell 1840, 42]. К тому, что мы видим в предмете, к показаниям наших органов чувств добавляется деятельность нашего ума. Основное различие между теорией и фактом состоит в том, что вывод теории из того, что мы воспринимаем нашими органами чувств, – сознательный, а вывод факта – бессознательный. Идеи и ощущения, мысли и вещи, субъект и предмет не могут применяться сами по себе. «Наши ощущения требуют идей, чтобы они связывали их друг с другом, а именно, идей пространства, времени, числа и т.п. Но если они не связаны таким образом вместе, то мы не получим никакого понимания вещей или предметов. Все вещи или предметы должны существовать в пространстве и времени, а их количество разное. Пространство, время, число – это не ощущения или вещи. Они – нечто отличное от них и им противоположное. Мы их называем идеями» [Whewell 1840, 43].

В какой бы момент мы ни рассматривали наши идеи, пишет Хьюэлл, мы должны рассматривать их как уже вовлеченные в процесс связывания ими ощущений и как уже измененные этим процессом каким-то образом. И такое развитие не может быть отделено от самих идей. «Мы не можем представить себе пространство без границ или форм; однако формы содержат в себе ощущения. Мы не можем представить себе время без событий, которые обозначают его ход; однако события включают в себя ощущения. Мы не можем представить себе числа без того, чтобы перед нами не было пронумерованных вещей; однако вещи нам доступны только через ощущения... Мы не можем сказать, что предметы создают идеи. Для того чтобы воспринять идеи, мы уже должны их иметь. Но мы можем сказать, что предметы и их постоянное восприятие настолько изменили наши идеи, что мы не можем, даже мысленно, отделить их от восприятия» [Whewell 1840, 43–44]. Хьюэлл делает вывод, что мы получаем знание о внешнем мире, когда способны применить к наблюдаемым нами фактам идеальные понятия, которые обеспечивают единство и связь многочисленным и отделенным друг от друга восприятиям. Эти наши понятия, верифицированные таким образом фактами, в свою очередь могут быть соединены друг с другом, объединены такой же по своей природе связью. В

результате человек может следовать своим путем – длинной дорогой прогресса от одной истины к другой. Каждое продвижение в прогрессе человеческого знания состоит в разработке новых идеальных понятий, истолковывающих факты; каждый такой шаг вводит в науку дополнительную порцию идеального элемента, источником которого были идеи.

Идеи и опыт

Идеи, однако, убеждает нас Хьюэлл, не порождаются опытом, не извлекаются из него. Идеальный элемент, который содержится в знании, не выводится из опыта. Имеются предложения, которые являются необходимо истинными. А такое знание не получено, и не может быть получено, простым наблюдением актуальных фактов. Эти необходимые истины являются результатом определенных фундаментальных идей, таких как пространство, число, время и им подобных. Это потому, что такие идеи обладают силой включить в свое развитие ту самую необходимость, которую опыт никак не может произвести. И эту силу фундаментальные идеи не заимствуют из внешнего мира, их собственная природа такова, что они могут ею владеть.

Каждая наука имеет в своем основании свойственные ей по преимуществу фундаментальные идеи. *Выявление этих идей и их обсуждение есть философия данной науки.* Эти идеи, считает Хьюэлл, содержат в себе те истины, которые в науке накопились в ходе прогрессивного развития. В голове каждого индивидуального ученого происходит усвоение основных шагов в истории его науки и их согласование с наблюдаемыми фактами. Конечной и наиболее сложной темой исследования Хьюэлл считает изучение человеческой мысли и мозга.

На первый взгляд может показаться, что мы сразу же воспринимаем отдельную вещь как индивидуально особенную, сразу же на базе ощущений, без всякой работы мысли. Но если присмотреться к ситуации внимательнее, считает Хьюэлл, нетрудно заметить, что необходимы и ощущения, и мысли. Когда мы комбинируем определенным образом наши ощущения, чтобы сформировался определенный образ дерева, например, мы не можем обойтись без того, чтобы не использовать уже имеющиеся в нашей голове сведения об этом предмете. И такое соединение ощущений и мыслей будет тем более успешным, чем большее число раз видели в прошлом предмет, на который смотрим сей-

час. А еще лучше, если бы мы попытались его нарисовать. Таким способом мы сможем подчеркнуть единство, целостность именно этого конкретного предмета, а также и тех, что рядом с ним. Для этого мы проведем линию, чтобы отделить те части, которые мы включаем в формируемый предмет от тех, которые мы оставляем за его пределами. Эта линия не соответствует ничему, что мы можем увидеть. Хьюэлл задается вопросом: «Каковы те условия, которые способствуют нашему пониманию предмета как этого, одного? Что определяет ту часть наших впечатлений, которая принадлежит той самой вещи, и ту, которая не принадлежит ей?» [Whewell 1840, 468]. Суть ответа Хьюэлл состоит в том, что необходимо определить основные свойства всех представителей того класса, к которому принадлежит предмет внимания, дерево в нашем случае. Если предмет, дерево, обладает всеми или, как минимум, основными качествами своего класса, это значит, что оно похоже на все остальные. То, что оно одно, выстраивается на его сходстве с остальными, а не на его индивидуальных отличиях.

Катастрофическое и поступательно-постепенное развитие

Исторически мы рассматриваем события, какие бы они ни были, как цепочку, протянутую от начала вещей до их настоящего состояния. И причинами являются те элементы, которые соединяют следующие друг за другом части этой цепочки. Каждое событие, которое имело место в истории Солнечной системы или Земли, в сотворении растений, животных или человека, является в то же время или причиной, или следствием, причиной того, что последовало, следствием того, что предшествовало. Будучи и следствием, и причиной, событие занимает определенную часть времени. Занятые таким образом места времени суммируются и образуют общее прошлое время [Whewell 1840, 654–656].

Хьюэлл выделяет два основных исследовательских направления, прямо противоположных друг другу, которые доминируют в науках, изучающих историю Земли. Возникли они при попытках создать соответствующую теорию: теорию катастроф или теорию постепенно-равномерно развития. Он пишет, что «одно направление представляет путь развития природы как *единообразный* во все века. Представители другого направления видят в современных условиях свидетельства *катастроф*, перемен более радикального характера, вызванных более мощными встрясками, чем

те, которые происходят в последнее время» [Whewell 1840, 666]. Сторонники катастроф обращают внимание на случаи, когда земная кора разрушалась снизу, а один скальный слой сдвигался и водружался на другой. При этом погибали все животные и растения, как на земле, так и в воде, а на их месте появлялись новые. На основании этих и ряда других примеров делаются выводы, пишет Хьюэлл, в пользу катастрофического пути развития.

Сам он ставит своей целью показать, что между двумя этими позициями нет слишком явной, глубокой пропасти, но симпатии его явно на стороне эволюционного развития. И не только симпатии, но и соответствующая аргументация. Стараясь быть справедливым, Хьюэлл добросовестно приводит основные известные ему возможные аргументы в пользу сторонников катастроф. Однако он утверждает, что при определенном понимании этих событий ликвидируется пропасть между дискутирующими. В результате, катастрофа превращается в эволюцию. Он рассуждает следующим образом. Предположим, что какие-то части земной коры едва заметно поднимаются. Трудно предположить, что скорость этого подъема всегда одинакова. Каковы же пределы этой скорости? Не может ли она настолько увеличиться, что изменения обретут вдруг силу катастрофы, когда слои земли в результате медленного развития приобретают положение, как после радикальных сдвигов? И не действуют ли здесь уже известные причины? Таким образом, Хьюэлл сводит *катастрофу* к *эволюции*. Разница только в скорости происходящих процессов, однако причины, их порождающие, и получаемые результаты одни и те же.

Но каковы бы ни были причины движения-развития, неизбежно возникает вопрос о первопричине рождения предмета-вещи как некоторого целого. Хьюэлл в этом случае опирается на биологические науки. Особенности этой первопричины Хьюэлл видит в следующем. Можно говорить о первопричине, когда ее результаты «не только фактически имеют место, но и включены в идею предмета; когда они не только видны, но когда их можно было предвидеть; когда их не только ожидали, но они уже заранее предположены; короче, когда вместо того чтобы быть причинами и следствиями, они были бы *целями и средствами*» [Whewell 1840, 620]. Можно понять Хьюэлла следующим образом. Если мы наблюдаем увеличение объема воды от ее нагревания, то мы имеем дело с чисто физическими процессами, которые могут протекать и без участия человека. Нагревание притом является *причиной*, а

увеличение объема воды – *следствием*. Если же мы нагреваем воду для уничтожения в ней вредных для человека микроорганизмов, то здесь уже речь идет о постановке *цели* и о *средствах* ее достижения. В этом случае в событии участвует самым непосредственным образом мысль человека.

Будучи типичным представителем европейской философии Нового времени, Хьюэлл, если и упоминает некоторые социальные характеристики исследовательского процесса, то только для того, чтобы показать отсутствие их значения для получения истинного научного результата. Как любой здравомыслящий человек, он, разумеется, не отрицает, что те или иные обстоятельства жизни ученого могут помогать или мешать ему в работе. Об этом он пишет своему другу Седовику (Sedovick) в письме, которое он опубликовал в начале второго издания своей книги [Whewell 1840]. В этом письме он пишет, что тема морали, например, очень большая тема, требует много места и не может быть включена, как советует его друг, в эту его книгу. Но он пишет, что очень бы хотел, чтобы до тех пор, пока люди смогут что-нибудь знать о нем и о том, что он писал, имели бы также представление «и о моих друзьях, с которыми я жил, которых любил, и разговоры с которыми давали мне надежду на то, что и я могу прибавить что-нибудь к написанному в нашей стране» [Whewell 1840, V]. Вспоминает он с благодарностью колледж Бэкона и Ньютона, к которому он принадлежал, которому был обязан очень многим, и благодаря чему стал тем, кто он есть. Так Хьюэлл признает влияние социальных обстоятельств жизни на профессиональную работу, но не в смысле формирования тем или другим способом философских проблем и их решения. Социальность остается *внешней* по отношению к логике его рассуждений.

В книге Хьюэлл изложена его концепция, глубокая, серьезная, содержательная, и эти ее качества не становятся менее значимыми по той причине, что ее базовые положения совсем не совпадают с основаниями философии наших дней [Маркова 2017]. В Предисловии ко второму изданию Хьюэлл пишет, что опирается на *Новый органон* Бэкона. Однако, продолжает он, Бэкон мог только догадываться, как будут формироваться науки. Но в XIX в. можно уже видеть, какими они стали. История и ее истолкования играют существенную роль в философии Хьюэлл, где рассматриваются

наиболее важные (и это не преувеличение) философские проблемы, тесно связанные друг с другом. Так, если не учитывается социальная природа человека-ученого и особенности его деятельности в конкретных, каждый раз, пусть и немного, но других условиях работы в качестве значимых для логики рассуждений, то и получаемый в науке результат не должен обладать индивидуальностью, из него исключаются все особенности его автора [Касавин 2008]. Человеческий фактор – наиболее изменчивый и подвижный элемент в науке, поэтому в поисках общего он устраняется [Столярова 2014]. В изучаемом предмете отыскивается прежде всего то, что объединяет его на базе общности с другими родственными ему предметами. Так, дикую утку можно видеть летящей в небе или убитой охотником и продаваемой на рынке, или на кухне в ресторане в процессе ее кулинарной обработки, или уже приготовленную поваром на столе у посетителя. Для Хьюэлла важно, что каждый раз мы имеем дело именно с уткой, а не с кроликом или гусем. Все то, что происходит с ней в результате деятельности охотника, продавца на рынке, повара, официанта или посетителя ресторана, – несущественно, если мы изучаем утку. Важно, что каждый раз утка остается уткой. Но это «несущественное» надо знать, как то, на что не следует обращать внимания. Однако современному философу важно, что каждый раз утка другая: жареная утка не та, что на рынке, а эта последняя отличается от утки в небе и т.д. Отсюда такое большое значение приобретает в социальной эпистемологии понятие *контекста* [Касавин 2008; Маркова 2017]. Если у Хьюэлла речь заходит (редко, но все-таки это случается) об искусстве, то его мысль направлена только в сторону выяснения возможности понимать искусство средствами науки, но никак не наоборот. В Предисловии Хьюэлл пишет, что за последние три столетия в физических науках (в астрономии, физике, химии, естественной истории, физиологии) было сделано много больших открытий, и это всеми признано, причем прогресс во всех этих науках достигался шагами, которые все имеют нечто общее, общий процесс, общий принцип; они были единообразны. «Если это так, и если мы можем, обратившись к прошлой истории науки, обнаружить нечто из этого общего элемента и процесса во всех открытиях, то мы будем иметь *философию науки*, на которую может рассчитывать наше время, обновленный новый *Органон Бэкона*» [Whewell 1840, VI]. В основу своей философии Хьюэлл кладет именно научное мыш-

ление и называет свою философию философией науки, ее истории [Касавин 2017].

Настойчивое устранение всего социального из философии в поисках общего начала приводит Хьюэлла фактически к отрицанию действительно фундаментальных открытий в науке. Прежде всего, любой творческий акт неизбежно связан с человеком, с его способностью выйти за пределы доминирующей на данный момент парадигмы. Выведение нового знания существующими логическими средствами из старого может только выявить имеющиеся в этом старом элементы, на которые прежде не обращали внимания как на малозначимые. Только теперь ученый признает их большую роль в получении принципиально нового знания. Но если они уже были, то какие же они новые? Сама история выравнивается, катастрофические события сводятся к эволюционным. Делается это путем определения их различия в скорости протекания процесса. Существенна только скорость, но тип развития, его логика остаются прежними. Так рассуждал и Дюгем. Он не признавал научную революцию XVII в., отодвигая ее начало все дальше и дальше в прошлое, до бесконечности. Он доказывал, что уже в прошлом можно найти те знания, которые якобы были получены в ходе революции как нечто новое для науки.

Хьюэлл отказывается от понимания научного мышления как такого процесса, который реализуется *социальным* человеком. Но он стремится объяснить, каким образом получаемые человеком ощущения преобразуются в его голове в образ внешнего мира. Юм выходит из положения в этом случае, ссылаясь на *привычку*. Подход Хьюэлла другой. Он ссылается на мысли в голове ученого, которые принимают и обрабатывают поступающие ощущения, когда те располагаются на *носителе, посреднике, медиуме*. Носители (необходимые истины, теоремы геометрии, аксиомы, некоторые положения механических наук) воспринимаются умом непосредственно. Они обеспечивают связь в философии Хьюэлла между двумя сторонами *фундаментальной антитезы*, между мыслями и вещами. Этому отношению Хьюэлл придает большое значение и считает, что решение любой философской проблемы предполагает то или иное понимание *фундаментальной антитезы*. В наше время понятие носителя играет большую роль в философии. Однако смысл его «деятельности» другой. Хьюэллу важно понять, каким образом сведения-сигналы, поступающие в голову человека от ощущений с помощью посредника создают для

него верную картину-образ окружающего мира. Мысль ученого ориентирована на природу, на внешний мир. Поворот, который произошел в XX–XXI вв. в мышлении, состоит в том, что нас интересует, каким образом мысли, возникшие в нашей голове, можно передать *другому человеку*, сделать их понятными другому [Антоновский 2010; Маркова 2016]. И нам нужны в первую очередь для этого, а не для познания внешнего мира, носители мысли. Дальнейшая разработка отношения материальный носитель (вещь) – мысль подводит к необходимости разобраться в этом взаимодействии при создании робототехники [Frodeman 2015; Fuller 2017; Markova 2017]. И ученые, и философы уделяют много времени проблеме посредника, которая выводит, как правило, за пределы существующей логики [Kasavin 2017]. Изучается мозг человека как материальный носитель процессов рождения мыслей. Для общения в первую очередь предметом анализа становится язык – и письменный, и устный [Куслий 2013]. По-прежнему этим же целям продолжают служить жесты, мимика, произведения искусства. Особый интерес вызывают сейчас и тщательно изучаются материальные части разного рода гаджетов. Но для Хьюэлла целью было глубже познать тайны природы и для этого установить связь между ощущениями и мыслью с помощью посредника. Для нас носители способствуют такому оформлению мыслей в голове, которое делает возможным общение, лучшее взаимопонимание между людьми. Для этого необходимо понять связь между мыслью и социальным окружением думающего человека. Еще раз: мысль соединяет человека с природой через ощущения или мысль соединяет человека с другим человеком через его социальное окружение. Важным становится понять, что материальность в качестве носителей бывает очень разная.

Следует, по-видимому, обратить внимание на следующую идею Хьюэлла. Придавая большое значение фундаментальной анти-тезе мысль – вещь, Хьюэлл вычленяет в ней некоторые особенности при ее использовании. Анализируя понятие факта, Хьюэлл обращает внимание на такое явление как притяжение иголки магнитом. Человек достаточно образованный, не задумываясь, именно так и объяснит увиденное: магнит обладает свойством притягивать железные предметы. Это значит, что он объединит мысль и реальное событие (вещь, предмет) в одно целое. Граница между двумя сторонами становится прозрачной (выражение Хьюэлла), она исчезает. Уже имеющееся знание, присутствующее в нашей голове, мы встраиваем в предмет. В результате он содержит в себе обе стороны противостояния. Посредник, носитель мысли переносит ее, уже как результат исследования, в предмет.

В философии наших дней носитель мыслей в голове формирует их, мысли, с учетом возможностей их понимания *другим*. Создается идеальный образ предмета с включенными в него социальными моментами условий получения результата. Чтобы автор научной теории мог понять теорию своего оппонента, он должен понять ход его мысли от начала, замысла до завершения процесса построения теории. В обыденной жизни: чтобы убедиться в прочности табуретки, неплохо узнать что-то о ее авторе, насколько он искусен, когда он сделал ее, из какого материала, с какой целью. Что касается теории, то Хьюэлл интересуется в первую очередь, как она выдержит испытание экспериментом. Нас же заботит прежде всего кем и как, при каких начальных условиях она была создана. Если обратиться к табуретке, то Хьюэлл сразу же проверит ее прочность, убедится, что на ней удобно или неудобно сидеть, и в последнюю очередь поинтересуется, кто ее сделал. Важной особенностью современной философии является ее свойство не разрушать свою предшественницу. Этого мало. Предшественница нужна в качестве собеседника. На первый план выдвигаются отношения типа диалога, коммуникации, общения.

Еще одно важное следствие из другого типа получения знаний о мире вокруг нас. Когда мы представляем себе научное знание освобожденным по возможности от всего, связанного с человеком-ученым, а через него и вообще с миром социального устройства общества, идеал этого мира предстает перед нами как неодолимый, мертвый, существующий независимо от нас. Когда знание о мире содержит элементы нашей социальной жизни, нашу мысль, и если мы доверяем этому знанию, тогда надо признать, что мир не мертвый, что он способен вступать с нами в общение. И еще надо иметь в виду, что любой идеал никогда не воплощается полностью в действительность, полного соответствия никогда не добиться, ни в природе, ни в обществе, будь то город-солнце, мир социализма или демократическое государство. Однако, как писал Делёз, хотя бы ниточка, но связывает научную теорию с действительностью.

Заключение

В эмпирической действительности есть все. Любая научная теория или философская система выхватывают из нее какой-то элемент, анализ которого автору кажется наиболее перспективным для понимания действительности как таковой. Хьюэлл мыслит в рамках научной логики Нового времени, поэтому для него важно рассматривать мир как противостоящий человеку и независимый от него. Но это не значит, что он анализирует только какой-то аспект реального мира. В его философии все находит свое место, пусть второстепенное, маргинальное, обозначенное как *по той*

или иной причине выходящее за пределы логики, но место есть всему. Всеобщность – это свойство философских систем.

В обществе, в производстве наука присутствует у Хьюэлла своими результатами. Как они были получены в голове человека – ему неважно. Подобная позиция полностью соответствует способу функционирования науки в капиталистическом производстве. К. Маркс тоже понимал таким образом роль науки в создании капиталистической техники, но для него было существенным напомнить, что ученые создают свои теории как результат *всеобщего труда*, в отличие от *труда совместного*, который устанавливает связь между рабочими на производстве. Диалог с философией Хьюэлла подталкивает читателя к мысли, что работа с современной техникой – это деятельность принципиально иного рода. Маркс писал, что со временем фабрики смогут работать при полном отсутствии человека. Он имел в виду, однако, что поскольку станки работают по тем же законам, которым подчиняется и природа, то и заводы должны существовать независимо от человека. Сейчас дела обстоят иначе. Техника подчиняется законам мышления, она «думающая» и она меняется в ходе ее использования. Отсюда принципиально другая постановка философских проблем. Обращение к классической науке в лице Хьюэлла способствует обдумыванию основ философии нового типа, социальной.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антоновский 2010 – Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативный подход: к междисциплинарному базису социологической теории // Междисциплинарность в философии и науке / отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФРАН, 2010.

Касавин 2017 – Касавин И.Т. Викторианская философия науки: Уильям Хьюэлл (размышления над книгой) // Вопросы философии. 2017. № 3.

Касавин 2018 – Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М., 2008.

Куслий 2013 – Куслий П.С. Формальная семиотика и естественный язык // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 105–117.

Маркова 2017 – Маркова Л.А. Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. – М., 2017.

Маркова 2016 – Маркова Л.А. Поворот в исследованиях социального характера научного знания // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 182–193.

Столярова 2014 – Столярова О.Е. Язык науки и проблема понимания // Философские науки. 2014. № 11. С. 82–94.

Frodeman 2015 – Frodeman R. Anti-Fuller. Transhumanism and the Proactionary Imperative // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2015. Vol. 4. No. 4. P. 38–43.

Fuller 2017 – Fuller S. Twelve Questions on the Transhumanism's Place in the Western Philosophical Tradition // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 19 April 2017. – URL: <http://wp.me/p1Bfg0-3yl>

Kasavin 2017 – Kasavin I.T. Towards a Social Philosophy of Science. Russian Prospects // *Social Epistemology*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 1–15.

Markova 2017 – Markova L.A. Transhumanism in the Context of Social Epistemology // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2017. Vol. 6. No. 7. P. 50–53.

Whewell 1840 – Whewell W. *The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History*. – L.: J.W. Farker, West Strand, 1840.

REFERENCES

Antonovsky A.Yu. (2010) System-communicative Approach: On an Interdisciplinary Basis of Sociological Theory. In: Kasavin I.T. (Ed.) *Interdisciplinarity in Philosophy and Science*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Frodeman R. (2015) Anti-Fuller. Transhumanism and the Proactionary Imperative. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. Vol. 4, no. 4, pp. 38–43.

Fuller S. (2017, April 19) Twelve Questions on the Transhumanism's Place in the Western Philosophical Tradition. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. Retrieved from <http://wp.me/p1Bfg0-3yl>

Kasavin I.T. (2017) Victorian Philosophy of Science: William Whewell (Reflections on the Book). *Voprosy Filosofii*. 2017. No. 3 (in Russian).

Kasavin I.T. (2008) *Text. Discourse. Context. Introduction to the Social Epistemology of Language*. Moscow (in Russian).

Kasavin I.T. (2017) Towards a Social Philosophy of Science. Russian Prospects. *Social Epistemology*. Vol. 31, no. 1, pp. 1–15.

Kusliy P.S. (2013) Formal Semiotics and Natural Language. *Voprosy Filosofii*. 2013. No. 8, pp. 105–117 (in Russian).

Markova L.A. (2016) A Turn in the Research of the Social Nature of Scientific Knowledge. *Voprosy Filosofii*. 2016. No. 4, pp. 182–193 (in Russian).

Markova L.A. *Social Epistemology in the Context of Past and Future*. Moscow (in Russian).

Markova L.A. (2017) Transhumanism in the Context of Social Epistemology. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. Vol. 6, no. 7, pp. 50–53.

Stoliarova O.E. (2014) The Language of Science and the Problem of Understanding. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2014. No. 11, pp. 82–94 (in Russian).

Whewell W. (1840) *The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History*. London: J.W. Farker, West Strand.